

Фу Цзюньяо про себя выругался, сетуя на собственную опрометчивость, но отступить было некуда. Сглотнув, он напустил на себя невозмутимый вид и выпалил:

— Я имел в виду, что доктор Фу сейчас занят. Понимаете ли... у него закончились лекарства! Ему нужно немедленно заняться их приготовлением, ведь от него зависят жизни стольких людей!

Чжу Чэнчжан, услышав это, мгновенно напрягся и зачастил:

— Виноват, виноват! Что за пустяки я тут несу, когда такое дело! Господин Фу, идите скорее готовить снадобья, спасение людей важнее всего!

Чэн Цзинсюань слегка приподнял бровь и пристально посмотрел на Фу Цзюньяо:

— И то верно. Спасение жизней — дело первостепенное. Малыш Чэн, пойдем со мной в хижину лекарств, поможешь мне.

— Слушаюсь! — отозвался Фу Цзюньяо и, нервно прижимая к себе аптечку, поспешил следом.

15. Благородный отпрыск в опале — Дева (14)

— Цзюньяо, что ты творишь? Ты хоть понимаешь, что я только что чуть не...

— Я все понимаю! — сердито перебил его Фу Цзюньяо. Поколебавшись, он добавил: — Я просто не хочу, чтобы ты вступал в усадьбу Цинцао.

Чэн Цзинсюань нахмурился, его лицо стало холодным, как иней:

— Почему?

Фу Цзюньяо долго молчал, наконец опустил голову и тихо произнес:

— Нипочему. Просто не хочу.

Видя, что лицо его побледнело, а губы лишились крови, Чэн Цзинсюань смягчился и со вздохом проговорил:

— Брось. Это из-за того случая, ты испугался?

Фу Цзюньяо не смотрел на него и молчал.

Чэн Цзинсюань подошел и похлопал его по плечу:

— Прости, это моя вина. Ты врач, спасающий жизни, конечно, тебе невыносимо видеть ту кровавую бойню. Иди, отдохни. Я здесь справлюсь один.

Фу Цзюньяо внезапно поднял голову и посмотрел на него с невиданной доселе решимостью:

— Я не хочу, чтобы ты оставался в усадьбе Цинцао. Уходи отсюда вместе со мной!

Чэн Цзинсюань застыл, отстранившись:

— Это невозможно!

— Если не уйдешь, я заберу все лекарства и расскажу всем, что ты вовсе не лекарь, а просто шарлатан, который притворяется врачом, чтобы кормиться за чужой счет!

— Ты...

Фу Цзюньяо стиснул зубы:

— Я сказал — сделаю!

С этими словами он решительно подхватил аптечку и зашагал прочь, но Чэн Цзинсюань в два шага преградил ему путь. Фу Цзюньяо не хотел встречаться с ним взглядом и отвел глаза в сторону.

— Ха-ха... — Чэн Цзинсюань вдруг усмехнулся: — Когда клан Чэн переживал худшие времена, ты был единственным, кто протянул мне руку помощи. Когда я лишился ног и потерял всякую надежду, ты не бросил меня. Я думал, что в этом мире, кроме отца, ты — мой единственный близкий человек. Но ты! — он указал пальцем прямо в грудь Фу Цзюньяо. — Когда я был на пороге успеха, именно ты схватил меня за ноги, не давая двигаться вперед!

Гнев вскипел в груди Фу Цзюньяо, и он выкрикнул:

— Что ты называешь успехом? Проникнуть в логово усадьбы Цинцао, убивать вместе с ними, смывать свою ненависть чужой кровью?

— Я никого не убивал! — отрезал Чэн Цзинсюань.

— Знаю, ты не станешь убивать, — горько усмехнулся Фу Цзюньяо. — Но знаешь, что я видел? — он шагнул вперед, вплотную приближаясь к собеседнику. — В тот день я прятался за деревом, когда два отряда сошлись в схватке совсем рядом. Я видел, как их окровавленные рты открывались и закрывались, я не смел вслушаться ни в одно слово, я чувствовал этот густой запах крови в воздухе, и даже от одного вдоха меня воротило.

— Цзюньяо... — Чэн Цзинсюань хотел его успокоить, но Фу Цзюньяо оттолкнул его руку.

— Они рубились, один пронзил другого мечом, кровь лилась из раны, она чуть не брызнула мне в лицо, мои сапоги были залиты ею, но я не смел даже вытереть их. А потом я смотрел, как

брат Чжу волочит труп, словно добычу. Это был человек, Цзинсюань! Человек!

Чэн Цзинсюань крепко сжал его плечи:

— Цзюньяо, успокойся.

— В их глазах человеческая жизнь — ничто! Хуже свиней и собак! Дешевле травы! Один удар ножом, один пинок — и все кончено. Это даже не сравнится с деревом у ворот или кирпичом в стене... Ты понимаешь это, Цзинсюань?

— Цзюньяо! — Чэн Цзинсюань, чьи глаза налились кровью, крепко прижал его к себе.

Окутанный привычным теплом, Фу Цзюньяо с мукой закрыл глаза, вцепившись в одежду друга:

— Тогда я был весь в крови, в голове — пустота. Знаешь, о чем я думал, Цзинсюань? — он глубоко вздохнул. — Я думал о тебе.

— Я думал: если когда-нибудь история повторится, и один человек будет связан, приторочен к седлу, словно скот, а другой будет скакать верхом, хвастаясь победой... Лошадь рванет вперед, и привязанный истечет кровью до смерти. Цзинсюань, кто из них ты: тот, что на коне, или тот, что истекает кровью?

— Цзинсюань, ты выходец из ученой семьи, перед тобой открывалось блестящее будущее. Если дух твоего отца взирает на нас с небес, он бы ни за что не хотел, чтобы ты ввязывался в эту грязь ради его давних обид. Пообещай мне, вернемся, хорошо?

...

Наступила ночь, воцарилась тишина. Чистый лунный свет мягко озарил землю, серебристым сиянием касаясь каждого уголка гор и рек, не делая различий между тем, что когда-то знало лишь смех, и тем, что было залито кровью.

Кто первым увидел луну над рекой? Когда она впервые осветила людей? Жизни сменяются поколениями, а луна над рекой остается неизменной. Таков закон мира.

Фу Цзюньяо все еще лежал, уткнувшись в плечо Чэн Цзинсюаня, его дыхание постепенно выравнивалось, а тело согрелось. Но ноги и плечи Чэн Цзинсюаня уже затекли.

— Цзюньяо.

— М-м?

— Я не могу уйти, — произнес Чэн Цзинсюань.

Тело Фу Цзюньяо напряглось.

— Ты помнишь, что сказал отец перед смертью?

Фу Цзюньяо промолчал.

— Лучше умереть молодым, сохранив верность, чем влачить жалкое существование, предав принципы. — Чэн Цзинсюань тихо усмехнулся, и в его голосе прозвучала невыразимая скорбь. — Тогда, когда твои родители скончались, отец забрал тебя в дом, учил читать и писать, и первым же уроком было это изречение. Помнишь?

Долгое время Фу Цзюньяо лишь издавал глухие звуки, словно сдерживая слезы. Перед глазами вновь встала та картина.

В те годы молодой и преуспевающий господин Чэн Цзянь подобрал грязного, осиротевшего ребенка у могильного холма, взял его за испачканную ручонку и привел в дом. Он ласково погладил его по голове и сказал: Будешь с дядей, и больше не придется скитаться.

Больше не придется скитаться — вот что значил дом. Но теперь дома не стало, да и людей осталось не так много.

— Не влачить жалкое существование, предав принципы. Эти принципы — честь ученого мужа. Отец всю жизнь читал мудрые книги, был безупречен и честен, служил чиновником, не запятнав себя. Он не искал ни высокого поста, ни богатства, лишь стремился к чистоте, чтобы оставить доброе имя потомкам. И что он получил?

— Старые друзья, с которыми дружил десятилетиями, оклеветали его, продажные негодяи написали доносы. Они давили на него, ломая хребет. Но отец мой... он лучше сломается, чем согнется!

— Я знаю, отец хотел как лучше, и ты хочешь как лучше. Вы не хотите, чтобы я мстил, не хотите, чтобы я впутывался в этот омут. Но задумывался ли ты: будучи сыном, я не смог проявить сыновнюю почтительность при жизни, не могу и смыть позор с его имени, позволив ему уйти в мир иной с ложными обвинениями? Какой тогда смысл в моем постыдном выживании?

— Цзюньяо, я не могу уйти. Даже если мне суждено умереть, я умру на пути к восстановлению доброго имени моего отца!

Фу Цзюньяо пошевелился, чувствуя, как немеют губы:

— Я понял. Тогда... я уйду один.

16. Благородный отпрыск в опале — Дева (15)

На следующее утро, с первым дуновением ветра, Фу Цзюньяо собрал пожитки и вышел из хижины. Браслет созвездий на запястье завибрировал, как маленький моторчик, а в голове зазвучали настойчивые сигналы: Хозяин не может уйти! Если вы уйдете, задание будет провалено, вы не сможете вернуться в реальный мир, а система созвездий не сможет завершить тестирование...

Фу Цзюньяо закатил глаза: плевать, я больше в это не играю.

— Уровень симпатии цели вчера вырос еще на один пункт, сейчас он равен 96, победа близка, Хозяин, не сдавайтесь сейчас...

Фу Цзюньяо, которому надоело ныть, запихнул браслет глубоко в рукав и сердито ткнул в него:

— Еще слово, и я тебя расплавлю.

Система послушно замолчала.

Если бы это случилось с кем-то другим, девять из десяти послушались бы систему и продолжили задание. Но господин Фу был тем самым исключением. Он жил по принципу легкомыслия, казалось, ему нет дела ни до чего, даже до заданий, от которых зависела его жизнь. Однако внутри у него были свои незыблемые границы, которые не могли поколебать ни слова других, ни общепринятые ценности. В конце концов, он был современным человеком, который ценил жизнь так же сильно, как свободу и достоинство. Оставаться среди бандитов, для которых убийство — обычное дело, он не мог.

Хотя, надо признать, ему было жаль расставаться с одним человеком.

Но как бы ни было жаль, нужно оставаться крутым взрослым.

С этой мыслью Фу Цзюньяо закинул узелок на плечо и вальяжной походкой вошел в палату, где спас не одну жизнь. Он трижды обвел взглядом каждый угол, но Чэн Цзинсюаня не увидел.

Обычно в это время он был здесь. Наверное, это и называется — встретились, но не суждено быть вместе. Только он не думал, что даже просто попрощаться станет роскошью.

Фу Цзюньяо тряхнул головой, собираясь уйти красиво, с видом властного героя, как вдруг чья-то дрожащая рука ухватила его за полу халата.

— Молодой человек...

Старый, слабый голос заставил его покрыться мурашками. Обернувшись, он увидел старушку, которую лечил несколько дней назад. Он выдохнул и присел на корточки:

— Что такое, бабушка?

Старушка с трудом указала на его узелок и с испугом спросила:

— Сынок, ты с узлом... уходишь?

Фу Цзюньяо смущенно почесал затылок и выдавил улыбку:

— Да, бабушка.

У старушки задрожали уголки глаз, и из мутных глаз потекли слезы:

— Это... это потому, что я безнадежна, и ты поэтому уходишь?

У Фу Цзюньяо голова пошла кругом, он замахал руками:

— Нет, нет, бабушка, вы здоровы, рана заживает, скоро все пройдет, не думайте об этом!

Старушка явно не поверила и начала всхлипывать:

— Обманываешь ты старуху... У-у-у, если бы я правда могла поправиться, зачем бы ты сбегал?

Фу Цзюньяо в панике принялся вытирать ей слезы рукавом:

— Я не сбегаяю, я ухожу открыто!

— Парень, слушай меня: если проблему не решить, она будет преследовать тебя, как тень. То, чего не найти здесь, не найти и на краю света... Ты не можешь бросить меня на полпути, у-у-у...

— ... — Фу Цзюньяо развел руками, ему самому хотелось плакать: — Бабушка, о чем вы вообще говорите?

— Бабушка, не волнуйтесь, с вашей болезнью все в порядке.

Раздался знакомый голос. Фу Цзюньяо вздрогнул, поднял голову и увидел Чэн Цзинсюаня, который выглядел безупречно.

Старушка тут же отпустила руку Фу Цзюньяо и вцепилась в халат Чэн Цзинсюаня:

— Доктор Фу, вы не обманываете старуху?

Чэн Цзинсюань кивнул с невыразимой нежностью во взгляде.

— Ну, теперь я спокойна, — старушка похлопала себя по груди, успокаиваясь, и подозрительно указала на узелок Фу Цзюньяо: — А этот молодой человек?

Чэн Цзинсюань мельком взглянул на него и тихо объяснил:

— В его узле — лекарства. Ваша болезнь прошла, вот он и должен нести их дальше, чтобы лечить других. Понимаете?

— Понимаю, понимаю, доктор Фу всегда прав, — просияла старушка и помахала Фу Цзюньяо: — Иди, иди, доброго пути!

— ... — Ну надо же, бабушка, как быстро вы переобулись! Я-то и есть настоящий доктор Фу!

Чэн Цзинсюань уже поднялся и протянул ему руку:

— Я провожу тебя.

Еще чего, не хватало, чтобы ты меня поддерживал.

Фу Цзюньяо гордо отвернулся, опираясь на землю, встал, отряхнул пыль и с вызовом бросил:

— Пошли.

— Больше не будь таким добрым к другим, — неожиданно сказал Чэн Цзинсюань.

— Что?

Чэн Цзинсюань тихо вздохнул:

— В этой жизни время и силы ограничены. Слишком заботясь о других, легко забыть о себе. Может, тебе на многое плевать, но в этом мире есть люди, которые беспокоятся о тебе. Они хотят, чтобы ты был счастлив.

Фу Цзюньяо опешил и недоверчиво ткнул в себя пальцем:

— Ты еще говоришь? А сам-то?

Он вдруг остановился и, словно прорвало, принялся отчитывать Чэн Цзинсюаня с головы до пят:

— Ты хоть знаешь, какой ты проблемный и заставляешь за себя волноваться? Самовлюбленный, с манией чистоты, вечно всех поучаешь, еще и вредный, привередливый! А

эта твоя переменчивая брезгливость! Когда лечишь других — хоть в грязи валяйся, а как со мной — так вечно недоволен. Заставляешь меня мыть руки по тридцать раз на дню, ты хоть знаешь, как это раздражает?

Не успел он договорить, как схватил руку Чэн Цзинсюаня и вложил в нее что-то белое.

— ... — Чэн Цзинсюань ошарашенно смотрел на хлопковую ткань: — Что это?

— Перчатки, не узнал? Я всегда надеваю их, когда лечу людей, чтобы не мыть руки по сто раз. Ой, ну надо же, как они у тебя оказались.

Фу Цзюньяо смущенно прошелся туда-сюда и махнул рукой:

— Ладно, старая вещь, раз потерял — пусть забирает тот, кто нашел. Не знаю, разберется ли этот дурак, как ими пользоваться.

Шутка ли, это же артефакт из системы созвездий, сэкономит восемьдесят процентов времени на мытье рук! Если не научится пользоваться — пусть катится к черту!

Чэн Цзинсюань замер. В такой торжественный момент прощания он хотел сдержать улыбку, но не смог — радость, светившаяся в его глазах, была искренней. Он поднял новые перчатки и с полуулыбкой спросил:

— Раз столько людей беспокоятся о тебе, почему бы просто не остаться?

Фу Цзюньяо сделал шаг вперед и, как крутой взрослый, похлопал его по плечу с редкой серьезностью:

— У меня есть свои принципы, тебе не понять.

— Я понимаю, — сказал Чэн Цзинсюань. — У меня тоже есть свои принципы. Если уж я что-то решил, никто не заставит меня передумать, даже если я знаю, что неправ, я буду идти до конца, не оглядываясь.

Он вдруг тихо рассмеялся и крепко сжал руку Фу Цзюньяо:

— Сегодня я правда хотел тебя отпустить, но эти перчатки... они связали меня. Я... не хочу тебя отпускать.

— Эй, что это значит...

— Оставайся, — сказал Чэн Цзинсюань. — Я обещаю, что не натворю бед, не стану якшаться с ними. Я буду сотрудничать с властями и по закону, открыто призову этих пиявок, сосущих кровь народа, к ответу. Ты больше не увидишь сцен насилия. Веришь ли ты мне? Хватит ли у

тебя смелости остаться и рискнуть вместе со мной?

17. Благородный отпрыск в опале — Дева (16)

Взгляд Чэн Цзинсюаня был горячим и ясным, отчего сердце Фу Цзюньяо дрогнуло. Он списал это странное чувство на работу системы эмпатии и натянул свою фирменную развязную улыбку:

— Пф, такая примитивная провокация, я на это не куплюсь.

Чэн Цзинсюань разочарованно опустил глаза, пытаясь изобразить безразличие, но не смог:

— Тогда я провожу тебя до ворот.

Фу Цзюньяо поправил узелок:

— Зачем провожать, я же не...

— Господин Фу! Брат Чэн! — внезапный окрик прервал прощание.

Чэн Цзинсюань сделал несколько шагов вперед:

— Брат Чжу, что случилось?

Чжу Чэнчжан схватил его за руку и потащил за собой:

— Ха! Хорошие новости, наш Глава хочет вас видеть.

Фу Цзюньяо опешил:

— Нас?

— Ну да! — Чжу Чэнчжан второй рукой ухватил Фу Цзюньяо и, не слушая возражений, потащил обоих прочь. Пройдя несколько шагов, он заметил неладное: — Брат Чэн, а зачем ты с узлом?

— Э-э... — Фу Цзюньяо лишился дара речи и молча отвел взгляд.

Чжу Чэнчжан вопросительно посмотрел на Чэн Цзинсюаня, но тот тоже лишь молча отвернулся. Тут до него дошло — а, так они поссорились.

В глазах Чжу Чэнчжана, человека прямолинейного, ссора была чем-то непостижимым. Что мешает просто выйти и подраться? Но, судя по хрупкому телосложению этих двоих, они вряд ли выдержат даже пару его ударов, так что лучше помирить их.

— Ха, братья, что за глупости, не стоит из-за этого переживать, пойдете к Главе, там и поговорим. — Не дожидаясь ответа, Чжу Чэнчжан широким жестом швырнул узелок Фу Цзюньяо в кусты и потащил их вперед.

— Эй, брат Чжу, мой узелок стоит кучу денег! И вообще, что за дурацкое сравнение!

...

Чжу Чэнчжан провел их через лабиринт коридоров в изысканный двор, полный диковинных цветов, камней, птиц и зверей. Здесь было так роскошно, что казалось, это совсем другой мир, а не та усадьба, где он лечил больных. Лакированные резные ворота были плотно закрыты. Чжу Чэнчжан ударом ноги распахнул их:

— Приемный отец, явились спасители, спасшие сотни жизней в нашей усадьбе Цинцао!

— Кхе-кхе... — из глубины послышался сдавленный кашель, и навстречу им медленно вышел мужчина лет сорока-пятидесяти с посеребренными висками и лицом, изборожденным морщинами времени.

Так это и есть Глава усадьбы Цинцао, Чжу Юн?

— Отец, это мои благодетели: Фу Цзюньяо и Малыш Чэн. — Чжу Чэнчжан повернулся к ним: — Братья, это мой приемный отец, о котором я вам рассказывал.

— Приветствуем Главу, — в один голос произнесли Фу Цзюньяо и Чэн Цзинсюань, отвесив поклон.

— Не стоит церемоний, — Чжу Юн слегка взмахнул рукой, и волна воздуха мягко подняла их.
— Вы — добрые друзья Чэнчжана, к тому же спасли сотни жизней в нашей усадьбе. И по долгу, и по совести мы должны выразить вам свою благодарность.

Оба ответили:

— Глава слишком любезен.

Чжу Юн переводил взгляд с одного на другого, и вдруг тон его изменился:

— Слышал, доктор Фу — сын великого лекаря Фу Цзююаня?